

Иван Лукаш
Капитан Гаттерас
Разказ

Все вранье...

Все вранье, что пишут в газетах, трезвонят в стихах и что мелькает в кинематографе: все эти прыжки в пропасть, бегство из подземелий, танцующие скелеты, внезапные наследства, избиения сотен бандитов, благодетельные графы, красота, любовь - все чепуха, какой на свете не бывает...

Петр Карлович Митрушкин служил в кассе Газового Общества, на должности второго кассира по приему квитанций в уплату по третям. Сидел за мелкой проволочной сеткой. Лицом был одутловат, под глазами имел сонные мешки. Носил мешковатый пиджак в клетку и галстук папильоном.

Единственно достопримечательным в нем было - отчество Карлович. Он сам не знал почему звали поконного отца немецкой кличкой.

Третий в газовой кассе кассир, шепелявый стрикашка, с голым черепом в черных крапинках, - точно мухи сидели, - и даже директор, сухожилистый немец в золотом ринсе-пез и с очень светлыми золотыми пломбами на гнилых зубах, - считали долгом трунить над его отчеством - Карлович.

Всякий раз директор морщил нос и делал лицо, изумленное до идиотизма:

- Петр... - и превращался в идиота и жевал губами -

- Карлович. Wunderschon. Такой рюски шеловек и - здрасте - Карлович.

А третий кассир, старикашка, ковырял ногтем мушинный посев на своем желтом бильярдном шаре и щурился от смеха.

- Тут, Готлиб Францевич, - не иначе, как роман. Может быть Митрушкин только так, для блезира. А на самом деле он какой принец дармштадский, Каролинг... Извольте почувствовать: Карлович.

Сухожилистый Готлиб Францевич смеялся напыжась и тоненько.

Митрушкин уже давно перестал обижаться. Привык. Он знал, что, конечно, никакого романа, никакого принца не было. Он помнил мать, старую портниху. Тогда жили они на Колточихе, на заднем дворе, в этаже подвальном. На окне, помнит он, были наклеены раздвинутые ножницы, вырезанные из газетной бумаги и квадратный листок с чернильными буквами: "Здесь шьются платья, а также мастер венских гармоний". Мать была очень старая: у нее болели глаза, слезились, обведенные красной каймой. Она все утирала их чистой тряпочкой. А отца он не помнит, но мать говорила, что он негодяй, выделял меха для гармоний и трактирных оркестрионов и в трактире от винища погиб...

А что касается принцов, романов, приключений на суше и на море - так их вовсе не бывает на свете. Вранье все... Вот пишут о благородных графьях, как они спасают от нищеты бедных, но прекрасных девиц. В их городе графьев, правда, не было, но агент по сбору похоронных объявлений, - был из благородных, дворянин и на визитной карточке у него отпечатана коронка, а фамилию он носил звонкую - Панцержинский. А по голой же природе своей, кроме коронки и дворянства, был так себе голячок, рыжеусый, на таракана похож. Так этот Панцержинский так спас одну бедную, но прекрасную девицу, накрашенную модистку с Губернского проспекта, что она его, благородного дворянина, серной кислотой с головы до ног облила, из банки, какая за окно в вату ставят.

Так и все на свете, если по настоящему, а не по романам.

Особенно не любил Митрушкин стихов. Стихи оскорбляли его глубоко и сильно. Если бы дали ему государственную власть, например, министра какого или хотя бы полицмейстера, он первым бы делом приказал всех стихотворцев перевешать. И обязательно за ноги: не ври, не тревожь, не обманывай...

А может быть никакого обмана и нет, может быть есть где то на свете жизнь настоящая, о какой пишут в романах, какая мелькает в кино... До тридцати лет, сидя за сетчатым окошком кассы, Митрушкин мечтал до увлажнения глаз, до нежной бледности, до чуткого дрожания губ - об Африке, прериях, странах невероятных, Андалузии, Гваделупе, Новой Гвинее. Где эти страны он, впрочем, точно не знал...

- У вас просчет по квитанции 74 копейки - окликнул его как то Готлиб Францевич.

А Митрушкин повел увлажненными глазами и ответил улыбаясь нежно и грустно -

- Африка... Прерии-с. Жарко.